

УДК 94(4)

doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-9

**Учебный процесс в средневековых университетах
(на материалах Парижского, Болонского и
Пражского университетов)**

В. П. Митрофанов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

vm@em-england.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Тема актуальна, поскольку в многочисленных работах по истории университетов в эпоху Средневековья содержание учебного процесса детально не рассматривалось, а авторы ограничивались лишь общей характеристикой лекций и диспутов как основных форм обучения. Редко обращалось внимание и на методику чтения лекций и проведения диспутов. На примере Парижского, Болонского и Пражского университетов в исследовании предпринята попытка на основе университетских статуты и некоторых других источников определить содержание лекций и методику их чтения преподавателями. Также рассматриваются и другие формы обучения (репетиции, диспуты и практические занятия). *Материалы и методы.* Используя диалектический метод познания, принцип историзма, анализ и синтез, автор на основе документальных и нарративных источников прослеживает содержание учебного процесса в указанных университетах, а также некоторые аспекты методики обучения. *Результаты.* Изучение содержания учебного процесса позволило определить содержание и порядок чтения тем лекций по отдельным дисциплинам, методику их чтения, методику проведения репетиций, диспутов и получить общие сведения о практических занятиях на медицинском факультете. *Выводы.* Формами обучения были лекции, репетиции, т.е. повторное чтение лекций, диспуты и практические занятия, но только на медицинских факультетах. Университетские статуты регламентировали все формы обучения, что затрудняло возможность развития свободомыслия в среде как преподавателей, так и студентов. Однако все же имелись некоторые возможности преподавателям обходить жесткие правила в содержании изучаемого материала и доводить до обучающихся свои идеи и мнения.

Ключевые слова: университет, лекция, репетиция, диспут, студенты, преподаватели, университетские статуты

Для цитирования: Митрофанов В. П. Учебный процесс в средневековых университетах (на материалах Парижского, Болонского и Пражского университетов) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 103–115. doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-9

**The educational process in medieval universities
(by the materials from Universities of Paris,
Bologna and Prague)**

V.P. Mitrofanov

Penza State University, Penza, Russia

vm@em-england.ru

Abstract. *Background.* The topic is relevant because in numerous works on the history of universities in the Middle Ages, the content of the educational process was not considered in detail, and the authors limited themselves only to the general characteristics of lectures and debates as the main forms of education. Attention was rarely paid to the methodology of lecturing and conducting lisp. Using the example of the Universities of Paris, Bologna and Prague, the article attempts to determine the content of lectures and the methodology of their reading by teachers on the basis of university statutes and some other sources. Other forms of training (rehearsals, debates and practical exercises) are also considered. *Materials and methods.* Using the dialectical method of cognition, the principle of historicism, analysis and synthesis, the author traces the content of the educational process at these universities, as well as some aspects of the teaching methodology, based on documentary and narrative sources. *Results.* The study of the content of the educational process made it possible to determine the content and order of reading lecture topics in individual disciplines, the methodology of their reading, the methodology of conducting rehearsals, debates and to obtain general information about practical classes at the Faculty of Medicine. *Conclusions.* The forms of education were lectures, rehearsals, i.e. repeated lectures, debates and practical exercises, but only at medical faculties. University statutes regulated all forms of education, which made it difficult to develop freedom of thought among both teachers and students. However, there were still some opportunities for teachers to circumvent strict rules in the content of the studied material and bring their ideas and opinions to the students.

Keywords: University, lecture, rehearsal, debate, students, teachers, university statutes

For citation: Mitrofanov V.P. The educational process in medieval universities (by the materials from Universities of Paris, Bologna and Prague). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2024;(2):103–115. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-9

История европейских университетов, как в целом, так и по отдельности, неоднократно была предметом исследований зарубежных и отечественных авторов и концептуально отражена на академическом уровне [1, с. 530–532]. Однако все же мало внимания уделялось содержанию учебного процесса в университетах в эпоху Средневековья [2, 3]. Так, в одной из последних работ содержание учебного процесса отмечено лишь в общем плане, в основном на примере Парижского и Болонского университетов [4]. Также отметим исследования британского историка Алана Коббана, который кроме английских университетов рассмотрел в общем плане внутреннюю организацию отдельных континентальных университетов периода Средневековья [5–7]. Однако он также не акцентировал внимание на учебном процессе в университетах.

Опубликованные документальные и некоторые нарративные источники позволяют проследить содержание и организацию учебного процесса и сделать собственные наблюдения и выводы. Наиболее полные сведения имеются по Парижскому, Болонскому и Пражскому университетам.

Древнейшие университеты в полном смысле средневекового термина *universitas* – это Парижский, отличавшийся в сфере теологии и философии, и Болонский, прославившийся преподаванием права [8, с. 315]. Для обучения в университете юноши должны были знать латынь, на которой происходило преподавание. Поэтому на начальном факультете «семь свободных искусств» кроме грамматики, диалектики, логики (тривиума) и математических дисциплин (арифметики, музыки, геометрии и астрономии – квадриума) студенты могли еще изучать и латынь в рамках курса грамматики. Только после

обучения на этом факультете они приступали к изучению медицины, права, ведения и царицы всех наук – теологии.

Процесс обучения на факультете «свободных искусств» можно проследить на примере Болонского университета. Так, первая учебная программа этого факультета датируется 1405 г. Она была рассчитана на три года обучения студентов. Все лекции делились на ординарные и экстраординарные. На первом году обучения студенты должны были прослушать ординарные лекции по «Физике» Аристотеля, т.е. «Физику в восьми книгах», которая считалась одним из естественнонаучных сочинений Аристотеля. Необходимо было прослушать еще естественнонаучный труд Аристотеля «О возникновении и уничтожении» в двух книгах. Экстраординарные лекции на первом году читались по книге II Аристотеля «О возникновении и уничтожении», «О сне и бодрствовании» и «Физиогномии» Псевдоаристотеля [9, с. 93].

На втором году обучения предусматривались ординарные лекции по трудам Аристотеля «О небе», «Метеорология», «Об ощущении и ощущаемом». В качестве экстраординарных лекций читались работы Аверроэса «О субстанции мира», «О памяти и воспоминании», «О дыхании» [9, с. 93]. Включение трудов Аверроэса в категорию экстраординарных лекций свидетельствует о том, что Болонский университет был одним из центров распространения аверроизма (учения материалистической направленности, проникшего из арабской Испании в европейские страны в XII в. – *В. М.*) в Западной Европе.

На третьем году обучения продолжали читать труды Аристотеля в качестве ординарных лекций: «О душе», «Метафизика», «Вступления» к первой книге, книга II (V–XII). Причем была приписка о том, что трактат «О душе» читается с исключением ошибочных положений первой книги. Как известно, в трактате «О душе» рассматриваются вопросы психофизиологии и сам этот труд сыграл большую роль в борьбе университетских ученых против церковных авторитетов, да и главного христианского догмата христианства, поскольку в нем Аристотель отрицал бессмертие души. В качестве экстраординарных лекций читались также работы Аристотеля «Метафизика» (часть книги IV), «О долготе и краткости жизни» и одно из его биологических произведений «О движении животных» [9, с. 93]. Таким образом, за три года обучения студенты прослушивали ряд работ Аристотеля по естественным наукам, философии и три работы Аверроэса, которые содержали материалистические и рационалистические положения.

Программа медицинского факультета Болонского университета свидетельствует о том, что обучение там длилось четыре года. На первом году в качестве ординарных лекций студенты должны были прослушать труд Авиценны «Канон врачебной науки». Программа конкретно определяла, какие книги этого труда должны читаться, а какие исключались. В качестве экстраординарных лекций студенты должны были прослушать книгу IV, раздел 2 и книгу II «Канона» Авиценны и труд Гиппократов «Афоризмы». Причем также отмечались «исключения», т.е. те разделы данных трудов, которые преподаватели не должны были читать студентам. На втором году студенты в качестве ординарных лекций прослушивали труды Галена, Гиппократов, Авиценны. Труд Гиппократов «Прогностика» следовало читать без комментариев. Также читался и его труд «Острые болезни». А работа Авиценны «О возможностях сердца»

читалась только частично. В качестве экстраординарных лекций читались отдельные части из работ Авиценны «Канон», «О плохом состоянии здоровья», «О простейшей медицине», «Критические дни». На третьем году обучения опять-таки читались отдельные разделы работ Авиценны в качестве ординарных лекций, работы Галена, Тегни, некоторые части работы Гиппократ [9, с. 94]. На четвертом году обучения в качестве ординарных лекций студенты опять-таки слушали повторно «Канон» Авиценны и вновь «Режим здоровья», но только книгу VI, и работу Гиппократ «О природе». В качестве экстраординарных лекций они слушали опять же «Афоризмы» Гиппократ, кроме ч. VII, «Терапевтику», «Терапию» Авиценны и комментарии на его работы [9, с. 95].

Таким образом, теоретический курс лекций на медицинском факультете был основан на трудах Гиппократ, Галена, Авиценны. Однако, как видно, читались эти работы не полностью. Очевидно, здесь сказалось влияние католической церкви, которая настороженно относилась к достижениям античной и арабской науки.

Кроме лекций были и практические занятия по анатомированию трупов. Статуты довольно подробно регламентировали этот вид учебной работы. Прежде всего отмечалось, что приобретать трупы для анатомирования студенты и преподаватели могли только с разрешения ректора. При анатомировании мужского трупа могло присутствовать не более 20 человек, а женского – не более 30 человек. Посещать такие занятия разрешалось только студентам медицинского факультета, обучавшимся на третьем курсе. Однако такое занятие они могли посещать только один раз в год. Но далее следовало интересное положение: «Тот, кто дважды видел вскрытие трупа, не может это делать в Болонье в третий раз, если не считать присутствие при вскрытии женского трупа, которое можно наблюдать всего один раз, независимо от того, принимал ли участие студент в анатомировании мужского трупа» [9, с. 98]. В статутах регламентировался состав группы студентов в количестве 20 или 30 человек «по нациям». Так, 5 человек должны быть от ламбардийской нации, 4 – от тосканской, 4 – от римской, 3 – от ультрамонтанской и 3 – от г. Болоньи. При вскрытии женского трупа 8 человек от ламбардийской нации, 7 – от тосканской, 7 – от римской, 5 – от ультрамонтанской и 3 – от Болоньи. Ректору разрешалось «со своими спутниками» посещать неограниченное количество раз вскрытие трупов, независимо от количества присутствующих при этом. Никто не мог требовать от ректора разрешения на проведение вскрытия трупов. Он лично определял тех, кто мог посещать занятия со вскрытием трупов. Причем оговаривалось, что за эти занятия студенты должны отдельно платить преподавателю 100 болонских солидов [9, с. 95].

Понятно, что для подготовки врачей двух-трех занятий по анатомированию трупов было явно мало. Однако, на мой взгляд, была лазейка для того, чтобы студентам получить больше знаний. Так, если студент-медик не мог больше двух-трех раз посещать занятия по анатомии в своем университете, то не содержалось запрета на посещения таких уроков в других университетах или даже вне стен университета. Вполне возможно, что уроки по анатомированию трупов преподаватели могли давать нелегально где-то вне стен университета или даже вне пределов Болоньи. Формально это не было наказуемо по статутам университета. Если за это не было еще и преследования светских

и духовных властей, то вполне вероятно такая практика была распространена на медицинском факультете Болонского университета.

От Болонского университета сохранился также пробный план лекций по астрономии. Он предусматривал трехлетний курс обучения по этой дисциплине. На первом году студенты слушали лекции по «Алгоритму», т.е. трактату по арифметике, «Геометрии» Евклида, по астрономическим таблицам кастильского короля Альфонса Мудрого (1252–1284 гг.), по теории планет. На втором году слушали лекции по труду Джона Голливуда «Трактат о сферах Вселенной», по труду Евклида и «Правилам» Иоанна Линерия, где содержались руководства для пользования астрономическими таблицами. На третьем году обучения они слушали лекции по «Введению в астрологию» Алькабитнуса, по Сентилохиуму Птолемея, опять же по Евклиду, Птолемею «Четырехчастник», а также трактат Уильяма из Англии «О бесплодности невидимого» и трактата Птолемея «Альмагеста» [9, с. 95].

В статутах Болонского университета говорилось, что любой студент может прекратить посещение занятий любого доктора или репетитора в течение 15 дней, начиная с праздника Святого Луки. Его нельзя было заставить платить за занятия, если он не посещал их в эти дни. Значит, это был период как бы необязательных каникул, но преподаватели все же могли проводить занятия для желающих.

Плату за занятия собирали сами преподаватели со студентов. Статуты регламентировали оплату за обучение. Так, преподаватели логики могли брать со студентов не более 40 болонских солидов, репетиторы по логике – не более 20 болонских солидов зимой и 15 – летом [9, с. 95]. Роль репетиторов состояла в повторении уже прочитанных лекций, и оплачивались эти занятия меньшей суммой денег. Магистры грамматики имели право на оплату в размере 30 солидов в год с каждого студента, «кто не снимает из них квартиру». А с тех студентов, которые снимают у них жилье, они получали 40 болонских солидов. Оплата репетитору по грамматике – 20 солидов зимой и 10 солидов летом. Фактически, преподаватели могли выступать и в роли сдатчиков жилплощади для студентов. Очевидно, они сами брали в аренду жилье для своих студентов, а затем сдавали им его в субаренду. Плату со студента они могли брать в том случае, если он «проспал три ночи в его доме, заплатив полную сумму за все время, даже если перешел к другому магистру или на другую квартиру». Значит, если студент прожил у преподавателя более трех дней, то считалось, что он выбрал себе именно этого преподавателя. Статуты разрешали «студентам из дальних стран» выбирать себе преподавателя в течение 15 дней, даже если «они провели ночь в комнате или на квартире (какого-либо учителя)». Однако студенты-иностранцы, выбрав себе преподавателя, должны были заплатить за учебу и жилье за год вперед. Статуты разрешали студентам уходить от преподавателя любого факультета, а последние не могли их удерживать, если они уже оплатили обучение и проживание. Статуты запрещали преподавателям принуждать студентов посещать занятия по латыни, если они ею уже владели [9, с. 96]. Также статуты регламентировали оплату за лекции по философии. За лекции по «Метафизике» Аристотеля и по «Физике» следовало платить 25 болонских солидов и т.д. Фиксированная плата за лекции упоминается и в документах Краковского университета (от 10 до 40 марок) [9, с. 97].

Интересно, что допускалось чтение лекции по философии студентами и репетиторами, но в таком случае стоимость для них таких лекции была в два раза меньше [9, с. 64]. Плата за лекцию по медицине обходилась студентам в 20 болонских солидов, а если студент пожелает сидеть во время лекций на месте ректора или на первых скамьях, то за это он выплачивал 1 флорин [9, с. 97].

Сохранился любопытный документ о чтении лекций на юридическом факультете Болонского университета юристом Одофердом, датированный началом XIII в. Из него видно, что он читал лекции по «Дигестам» из Кодекса Юстиниана (VI в.) с октября до середины августа, т.е. около 10 месяцев. Однако одновременно он читал лекции по самому «Кодексу Юстиниана» [9, с. 97]. Таким образом, он подробно изучал со студентами кодификацию римского права. Интересно отметить, что в его классе были как хорошо успевающие, так и откровенно слабые, но он гарантировал, что выучит как тех, так и других. Гарантировал он и то, что будет все читать целиком без пропусков и даже зачитывать глоссы, т.е. пояснения прочитанного. Его методика чтения лекций сводилась к следующему. Сначала он давал краткое изложение названия глав. Затем излагал содержание каждого закона, зачитывал текст и делал к нему замечания. Потом он вновь кратко разъяснял смысл текста. Затем разъяснял противоречия в содержании, делая общие замечания, характеризовал особенности закона. После этого он мог дать дополнительные разъяснения каких-либо сложных законов или наиболее известных законов. Но эти разъяснения делались уже «в послеобеденное время» [9, с. 98].

Таким образом, лекции по римскому праву отличались от лекций по философии и медицине тем, что на них большое место занимали толкования и комментарии преподавателем прочитанного текста. Очевидно, это было не случайно, ибо разобраться в римском праве было очень трудно для студентов, которые не знали истории самого древнеримского государства.

Как известно, университеты итальянских городов-коммун и не только такие прославленные, как Болонский, готовили юристов, медиков, официальных светских и церковных чтецов, должностных лиц для государственных учреждений городов-государств Италии и даже других стран [10, с. 51].

На основе статута Парижского университета от 1253 г. узнаем, что порой преподаватели факультета «семи свободных искусств» прочитывали лекции раньше установленного срока, т.е. очевидно в результате быстрого темпа чтения. Поэтому студенты не успевали усваивать их содержание. С этой целью устанавливались конкретные сроки чтения лекций для каждого предмета и даже для каждого труда античных или средневековых авторов. Так, например, статуты предписывали начинать чтение в праздник Религии (т.е. первого октября), а заканчивать по-разному. Например, труды Аристотеля по логике в переводе Боэция следовало заканчивать к празднику Благовещения, т.е. 25 марта. Около этого времени следовало заканчивать чтение лекций по трудам известного автора пособия по латинской грамматике Присциана (V–VI вв.) и ряда трудов Аристотеля. Причем отмечалось, что если «Этика» Аристотеля читается без сопоставления, то на это отводилась половина указанного срока, т.е. около трех месяцев. Отдельные тексты из труда Присциана следовало прочитать за шесть недель. Такие труды Аристотеля, как «Физика», «Метафизика», «О животных», следовало прочитать к 24 июня,

т.е. к празднику Иоанна Крестителя [9, с. 100]. Другие же труды Аристотеля необходимо было закончить через 40 дней после Пасхи. Далее расписывались сроки чтения всех других работ Аристотеля и Николая Дамасского. Предписывалось потратить не менее половины отведенного времени только на чтение текста без привлечения других книг. Таким образом, вторая половина отведенного времени использовалась на повторение, комментарии и пояснения преподавателя. Показательно, что лекции по этим книгам могли читать как бакалавры, так и магистры [9, с. 102]. Статуты разрешали самому преподавателю определять, сколько он должен прочитывать текста за один день. Нельзя было читать больше, чем две ординарные лекции: «либо превращать их в экстраординарные, либо давать их в какие-либо другие часы, либо другим способом». Преподаватели должны были спланировать чтение лекций равномерно на протяжении всего учебного года. Запрещалось читать больше двух общих лекций в один день, «в период, когда лекции читаются регулярно, и не более трех, когда нет регулярных занятий». Запрещалось также начинать читать какой-либо текст до тех пор, пока не будет закончено чтение предыдущего. Правда, допускались исключения: болезнь или отъезд преподавателя и, что интересно, нежелание студентов дальше слушать этого лектора [9, с. 103]. Запрещалось читать лекции в дни крупных христианских праздников [9, с. 104].

Статуты Парижского университета от 1355 г. также касались способов чтения лекций на факультете «семи свободных искусств». В них регламентировался сам темп чтения лекций. Отмечалось, что он должен быть такой, чтобы студенты успевали понять содержание, но не успевали бы записывать услышанное. Те преподаватели, которые будут читать лекции медленно, чтобы студенты успевали бы записывать, могли быть наказаны лишением права читать лекции в течение года, а также «лишением чести, должности и привилегий факультета». Студентам тоже запрещалось под угрозой наказания требовать от преподавателей медленно читать лекции. Интересно, что такое нередко случалось и студенты, как сказано в постановлении, кричали, шумели, свистели, бросали камни, требуя от преподавателя медленно читать лекции [9, с. 110].

В 1366 г. в Парижском университете были приняты новые статуты для всех факультетов о правилах чтения лекций [9, с. 111–114]. Прежде всего в них говорилось о чтении лекций на факультете теологии курсорами, т.е. бакалаврами, изучившими Священное Писание и получившими право его толкования, при условии достижения ими 30 лет. Статуты требовали от них даже внешнего отличия от других членов университета и хождения по городу в одежде, «приличествующей их положению, ученой степени и чести упомянутого факультета». Они были обязаны посещать в этой одежде частные классы, церкви и читаемые там проповеди. Запрещалось читать лекции в каникулы. Читать их они должны «как положено, комментируя текст и отмечая самые важные главы согласно древнему методу». Преподавать на теологическом факультете вообще могли лишь лица, достигшие 25-летнего возраста. В течение лекции нельзя было толковать больше одной главы Библии. Преподаватели теологии были обязаны не менее одного раза участвовать в диспуте по вопросам теологии. От участия в диспуте их мог освободить канцлер университета. Причем студенты, изучающие Библию на теологическом

факультете, первые четыре года должны были приносить с собой тексты Библии на занятия. Преподаватель читал Библию, а они внимательно следили по тексту. В ходе чтения он должен был сопоставлять отдельные места текста Библии. Статуты запрещали во время ее чтения обращаться к каким-либо философским аспектам, если это не требует читаемый ими материал. Запрещалось читать текст Библии по своим записям. Однако лектор мог на доске записывать необходимый, но трудный материал для изучения [9, с. 111]. Статуты запрещали преподавателям отдавать продавцам книг свои тексты «Сентенции» до тех пор, пока они не будут проверены канцлером и магистрами богословия, т.е. чтобы они не отклонялись от оригинального текста. Читать лекции по «Сентенциям» могли лишь те бакалавры, которые имели своего магистра в Париже. Бакалавры, читавшие лекции по «Сентенциям» и желавшие получить степень магистра, должны были оставаться в университете в период между чтением лекций и получением степени, «чтобы можно было все разузнать об их осведомленности, образе жизни и нраве» [9, с. 112].

О порядке обучения на факультете канонического права говорилось, что читать там лекции могли только те, кто прослушал все книги, которые по определению папской курии и своего руководства должны читаться на этом факультете. О медицинском факультете также сказано кратко, а именно что все студенты должны прослушать чтение установленных книг, посещать диспуты в порядке, установленном статутами. Относительно учебных занятий на факультете «свободных искусств» сказано, что студенты должны слушать лекции, сидя на полу перед преподавателем, а не на стульях или скамьях, «ибо таким путем смиряется гордыня юных». Далее отмечалось, что для получения степени студенты должны были быть хорошо подготовлены в грамматике, т.е. хорошо владеть латынью. С этой целью они должны были прослушать лекции по пособию Александра Валладье (1190 г.) («Doctrinale») и пособию 1212 г. («Degraecimo»). Кроме того, все студенты должны были прослушать и ряд обязательных трудов Аристотеля. Причем ученую степень бакалавра могли получить лишь те из них, кто проучились в Парижском университете не менее двух лет. Определялся перечень тех работ античных и средневековых авторов, которые необходимо было им прослушать до процедуры получения степени [9, с. 113–114]. И опять же регламентировались некоторые моменты чтения лекций преподавателями. Видимо, это объясняется тем, что лекторы далеко не всегда следовали строгим правилам и могли читать по «неисправленным и никому не ведомым книгам». Поэтому члены факультета «свободных искусств» постановили, что необходимо читать лекции только по книгам «известных магистров Пражского, Парижского или Оксфордского университетов». Но при этом они должны были их предварительно проверить. Сами преподаватели могли и не читать текст своей лекции, а поручить это «достойным чтецам» [9, с. 115].

Согласно статутам Пражского университета ординарные лекции заранее заявлялись [9, с. 121]. Причем допускалось состязание двух преподавателей, читающих лекции по одной и той же книге. Очевидно, это делалось для того, чтобы у студентов был выбор, чьи лекции им слушать. В данном статуте регламентировалась плата студентов за прослушивание лекций. Причем указывалось, что размер платы установлен по обычаю Парижского университета [9, с. 122–123].

Кроме лекций важной формой обучения были репетиции, т.е. повторное чтение лекций. Возможно, это касалось не всего текста, а лишь отдельных сложных мест. В роли «репетиторов» выступали так называемые курсоры, т.е. недавние студенты, получившие степень бакалавров.

Можно считать, что лекции, несомненно, были важнейшей формой обучения студентов. Очевидно, при существовавших тогда рукописных книгах их прослушивание представляло собой единственную возможность для студентов получить знания, так как рукописные книги были дороги, редки и вряд ли доступны большинству студентов. Сложность состояла и в том, что полностью записать текст лекции студенты не могли. Хотя преподаватели были регламентированы статутами в чтении лекций, но у них оставалась возможность изложить свою точку зрения во время их комментирования. Известно, сколько по времени могло длиться чтение лекции. Очевидно, это было связано с распорядком дня университета, в том числе церковными службами и молитвами. Повсеместно сроки учебных семестров были привязаны к христианским праздникам.

Другой важной формой обучения в университетах были диспуты. Они широко практиковались во всех университетах западноевропейских стран. Диспуты имели большое значение – посредством диспутов становились известными новые методы доказательства, новые идеи. Диспуты совершенствовали формальную логику.

Сохранились статуты Сорбонны о порядке диспутов, датированные 1344 г. Во-первых, представители «наций» избирали так называемого «магистра студентов», который после окончания учебного года составлял программу диспутов на следующий учебный год. Он обязан был при этом «выбрать самые важные и полезные теологические вопросы согласно тексту – “Сентенций”» [9, с. 107–109]. Причем следовало соблюдать порядок и последовательность этой работы. Это означало, например, что первая тема диспута должна быть посвящена учению о Боге, о Троице и т.д., а последняя – о рае и аде. Во-вторых, этот «магистр студентов» во время диспута выступал в роли арбитра. Так, если, по его мнению, диспутанты плохо понимали друг друга, то он должен был вмешаться и «привести их к взаимопониманию». Вмешивался он и в том случае, если диспутанты «спорят не ради установления истины, а из тщеславия». Все участники обязаны были повиноваться этому «магистру студентов» под угрозой штрафа в виде двух кварталов вина для всех присутствующих до конца на диспуте [9, с. 108]. В-третьих, «магистр студентов» должен был и сам участвовать в диспуте в случае отсутствия того, кто должен был отвечать на какие-либо вопросы. Интересно, что тот, кого избирают «магистром студентов», не имел права отказываться от этой должности под угрозой штрафа. В-четвертых, «магистр студентов» был обязан довести до сведения участника диспута, оппонента вопросы как минимум за две недели до начала диспута. В противном случае он опять-таки штрафовался в виде двух квартал вина.

Было установлено, что диспуты должны были проходить каждое воскресенье во второй половине дня после церковной службы. Причем на них оппоненты должны были выдвигать главную аргументацию и приводить возражения для того, чтобы другие имели возможность выступить. Они также должны были выдвигать не более восьми предложений, а каждый

выступающий – только три. Запрещалось приводить «сдвоенные аргументы, произвольно разделенные или объединенные или ведущие к невозможности доказательства». Запрещалось также объединять множество аргументов в один. Отвечающий участник диспута мог выставять только три заключения. Каждое из них требовалось подкреплять чьим-либо авторитетом и разумным доводом, «если отвечающий сможет это сделать». Порядок выступления тоже регламентировался. Сначала выступал главный оппонент того, кто выдвинул положения на диспут, затем выступал «магистр студентов», затем «приор дома» (т.е. представитель монашеского духовенства – В. М.), затем магистр теологии, если они пожелают, затем бакалавры, после них курсоры, причем согласно порядку получения ими степени. Очевидно, во время диспута практиковали чтение «Сентенций», после чего следовали устные высказывания. Порядок чтения и выступления строго расписывались. Во время диспута разрешалось выступать и некоторым не членам университета, если они присутствовали. Так, им могло быть и лицо без ученой степени, «но человек знатного происхождения, либо клирик или лицо, имеющие какие-либо привилегии» [9, с. 109].

Таким образом, порядок диспута, тема диспутов, состав участников были строго расписаны и регламентированы. Причем феодальный принцип иерархии в данном случае строго соблюдался. Правда, не совсем понятно, какое участие принимали в диспуте сами студенты. Были они просто пассивными слушателями или же могли выступать на нем? Скорее всего, они могли выступать, ибо, как отмечалось выше, для получения степени бакалавра требовалось участие в диспутах.

Краткое упоминание о диспутах имеется и в статутах Пражского университета от 1367 г. Там говорится, что ординарные диспуты могут проходить до «вечерних часов и что руководитель диспута распределяет софизмы в количестве не больше трех». Нельзя было приводить больше девяти софизмов. По каждому софизму могли выступать трое участников диспута. Один должен был давать положительный ответ, второй – отрицательный, а третий должен был сопоставлять их точки зрения [9, с. 121]. Учитывая, что Пражский университет копировал всю внутреннюю организацию и учебный процесс Парижского университета, то можно считать, что порядок диспутов и их содержание были в них схожими. Однако в Пражском университете ежегодно происходил торжественный университетский диспут «О чем угодно» («Кводлибет»). Он происходил под руководством избираемого из числа преподавателей факультета «свободных искусств» – кводлибеталия. В этом диспуте все преподаватели в степени магистров должны были принять обязательное участие и выступать по темам, предложенным кводлибеталием. Сам же кводлибеталий тоже должен был проявить себя на этом диспуте путем разрешения вопросов, предложенных ему диспутантами. Диспуты «О чем угодно» были не только словесными турнирами. На них обсуждались важные философские и общественные вопросы. В этом отношении была особенность «пражского типа» диспутов, который окончательно оформили в начале XV в.

В документах Пражского университета содержалось похвальное слово Иеронима Пражского такому типу диспутов [9, с. 124–129]. В нем отмечается, что на этот диспут приглашались клирики и магистры, однако далеко не все из них являлись. Этот диспут назывался «турниром рыцарей

учености» [9, с. 124]. Подчеркивалась полезность таких диспутов для студентов. Поэтому не явившиеся магистры приравнивались к рыцарям, проявившим трусость, что, как известно, считалось большим позором в средневековом обществе. Далее такие уклонявшиеся от диспутов магистры всячески поносились и приравнивались чуть ли не к еретикам. Вероятно, здесь содержалась национальная подоплека, т.е. критика немцев, которых было в то время немало как в Праге, так и в самом Пражском университете, ибо прославлялись как раз чехи. Иероним Пражский прямо писал, «что многие чужеземцы лгуны, для того, чтобы скрыть свою собственную мерзость и бесстыдство, пытались льстить и лживо набросить на вернейшего мужа нашего святого чешского народа позорное покрывало, отмеченное серым крестом». Очевидно, он имел в виду слова магистра Пражского университета члена Саксонской «нации» Лудольфа Мейстермана, который на одном из университетских собраний в 1408 г. заявил, что некоторые чехи как избалованные еретики должны носить позорные одеяния, отмеченные изображением креста [9, с. 125–126]. И. Пражский отметал обвинения его и других чехов в ереси и, в частности, в слепом следовании учению оксфордского доктора Джона Виклефа. Вместе с тем он признавался в том, что читал его работы и что они научили его «добру» [9, с. 133]. Иероним в этой речи защищал учение Виклефа. Он говорил, что если мы используем труды язычника Аристотеля и других язычников, в которых содержится множество ошибок, которые противоречат католической вере, то почему нельзя использовать работы Виклефа и брать у него самое ценное. Причем в доказательство своей правоты он ссылался на Священное Писание, труды отцов церкви и т.п. Он призывал студентов изучать его труды, а преподавателям разъяснять положения учения оксфордского профессора студентам и давать отпор «лгунам», т.е. немецким магистрам и докторам. Иероним хвалит руководителя диспута («Кводлибеталия») за организованное проведение диспутов «О чем угодно», за тот отпор, который он дал немецким участникам диспута [9, с. 126].

Таким образом, подобный тип диспутов в Пражском университете использовался чешскими преподавателями в контексте развернувшегося в начале XV в. чешского национально-освободительного движения против засилья немцев и католической церкви. Диспуты на эту тему были меньше всего регламентированы в плане тематики вопросов и порядка обсуждения, а следовательно, открывали больший простор для высказывания идей свободомыслия.

На основе интересного литературного источника – сатирической поэмы «Битва семи искусств» Анри Д'Андели, нормандского поэта XIII в., «который был близок к ученым кругам Парижа», можно видеть, что диспуты как раз способствовали становлению факультета «семи свободных искусств» Парижского университета [9, с. 126–127]. Очевидно, в то время в ходе диспутов между парижскими и орлеанскими магистрами шел спор о самом праве существования такого факультета в Парижском университете. Причем обе стороны обвиняли друг друга в различных пороках: «Она [противная сторона] твердит, что все там пьют без меры...» [9, с. 100–101]. В ходе споров участники широко апеллировали к трудам античных авторов, а в диспутах участвовали аббат монастыря Святого Виктора Руль де Бунли, епископ Парижа и другие представители высшего духовенства [9, с. 131].

Диспуты привлекали сотни слушателей, которые внимали сложному словесному поединку. Темы порой были далеки от жизни. Шли долгие словопрения, посвященные какому-нибудь запутанному месту священных текстов. И все же диспуты не прошли бесследно для дальнейшего развития человеческой мысли. Они способствовали развитию способности логично строить выступление и приводить необходимые аргументы в защиту своей точки зрения.

Таким образом, весь учебный процесс был строго регламентирован. Учебный год состоял из двух семестров: большого и малого. Сроки семестров были привязаны к христианским праздникам, но могли отличаться в разных университетах. Строго определенных каникул для студентов не было. Однако соблюдались все основные христианские праздники.

Основными формами обучения были лекции, репетиции и диспуты. Практические занятия имели место лишь на медицинских факультетах. Все формы обучения, как и методика обучения, были строго регламентированы университетскими статутами. Содержание изучаемого материала на родственных факультетах разных университетов было примерно одинаковым. В основном оно базировалось на изучении трудов Аристотеля, некоторых других античных авторов, трудов средневековых авторов по грамматике, философии и теологии. Все это в совокупности в историографии именуется схоластикой. Новшеством с XIII в. стало изучение трудов арабских ученых, содержащих некоторые материалистические положения. Диспуты давали больше возможностей для свободомыслия, но это зависело в немалой степени от ведущего диспут. Они также давали возможность студентам получать практические навыки в риторике, диалектике, философии и других науках. Несмотря на жесткую регламентацию учебного процесса, все-таки проявлялись ростки свободомыслия, показателем чего была деятельность Джона Виклифа в Оксфордском университете.

Список литературы

1. Всемирная история : в 6 т. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П. Ю. Уваров ; гл. ред. А. О. Чубарьян ; Ин-т всеобщ. истории РАН. М. : Наука, 2012. 894 с.
2. Митрофанов В. П., Косырева М. А. Возникновение университетов в средневековой Европе // Вестник Пензенского государственного университета. 2022. № 4 (40). С. 3–10.
3. Сокова А. В., Митрофанов В. П. Взаимоотношения западноевропейских университетов со светской и духовной властью (XII–XV вв.) // Вестник Пензенского государственного университета. 2020. № 3 (31). С. 55–61.
4. Корниенко М. А. Университет Средневековья: контекст интеллектуальных и культурных традиций. Ч. I // Векторы благополучия: экономика и социум. 2023. № 3 (50). С. 103–111.
5. Cobban A. B. The medieval universities: their development and organization. London ; New York : Methuen : L^oCo, 1975. 264 p.
6. Cobban A. B. The medieval English universities: Oxford and Cambridge to c. 1500. Berkeley : University of California Press, 1988. 465 p.
7. Cobban A. B. English university life in the Middle Ages. London : UNL Press, 1999. 264 p.
8. Ястребицкая А. Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке : учеб. пособие. М. : Интерпракс, 1995. 416 с.

9. Документы по истории университетов Европы XII–XV вв. : учеб. пособие / вступ. ст., пер. и прим. Г. И. Липатниковой ; под. ред. и с предисл. А. Е. Москиленко. Воронеж : Воронеж. пед. ин-т, 1973. 157 с.
10. Городская культура: Средневековье и начало Нового времени / под ред. В. И. Рутенбурга. Л. : Наука, 1986. 276 с.

References

1. *Vsemirnaya istoriya: v 6 t. T. 2: Srednevekovye tsivilizatsii Zapada i Vostoka = The World History: in 6 volumes. Volume 2: Medieval civilizations of the West and East. Executive editor P.Y. Uvarov; editor-in-chief A.O. Chubaryan. Moscow: Nauka, 2012:894. (In Russ.)*
2. Mitrofanov V.P., Kosyreva M.A. The emergence of universities in medieval Europe. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Penza State University. 2022;(4):3–10. (In Russ.)*
3. Sokova A.V., Mitrofanov V.P. Relationships of Western European Universities with Secular and Spiritual Authorities (the 12th – 15th centuries). *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Penza State University. 2020;(3):55–61. (In Russ.)*
4. Kornienko M.A. The University of the Middle Ages: the context of intellectual and cultural traditions. Part 1. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium = Vectors of well-being: economy and society. 2023;(3):103–111. (In Russ.)*
5. Cobban A.B. *The medieval universities: their development and organization*. London; New York: Methuen: L0Co, 1975:264.
6. Cobban A.B. *The medieval English universities: Oxford and Cambridge to c. 1500*. Berkeley: University of California Press, 1988:465.
7. Cobban A.B. *English university life in the Middle Ages*. London: UNL Press, 1999:264.
8. Yastrebitskaya A.L. *Srednevekovaya kul'tura i gorod v novoy istoricheskoy nauke: ucheb. posobie = Medieval culture and the city in the new historical science: textbook*. Moscow: Interpraks, 1995:416. (In Russ.)
9. Moskilenko A.E. (ed.). *Dokumenty po istorii universitetov Evropy XII–XV vv.: ucheb. posobie = Documents on the history of European universities of the 12th – 15th centuries: textbook*. Voronezh: Voronezh. ped. in-t, 1973:157. (In Russ.)
10. Rutenburg V.I. (ed.). *Gorodskaya kul'tura: Srednevekov'e i nachalo Novogo vremeni = Urban culture: middle ages and early modern period*. Leningrad: Nauka, 1986:276. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Владимир Петрович Митрофанов

доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей
истории и обществознания,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: vm@em-england.ru

Vladimir P. Mitrofanov

Doctor of historical sciences,
professor of the sub-department
of general history and social
sciences, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 20.12.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.02.2024

Принята к публикации / Accepted 15.03.2024